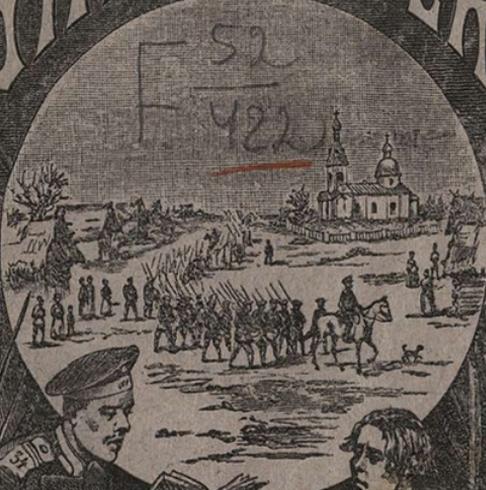

СОЛДАТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Вѣрные до смерти.

ИЗДАНИЕ В.А. БЕРЕЗОВСКОГО

285
854
Д. Н. Логофетъ.

F. $\frac{52}{422}$

9 1-15
11959

„ВЪРНЫЕ ДО СМЕРТИ“.

(Историческій разказъ изъ времени завоеванія
Туркестана)

Иванъ В. Березовскій

Комиссіонеръ Военно-Учебныхъ заведеній
Петроградъ, Колокольная 14.

1914.

3865.

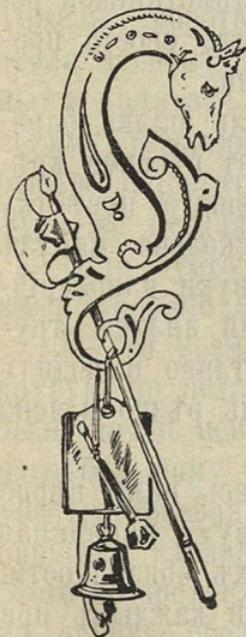

2022564598

Типографія Р. Арнольда, Литейный просп., № 59.

„ВѢРНЫЕ ДО СМЕРТИ“.

(Историческій разсказъ изъ времени завоеванія Туркестана).

I.

Тѣря ночныя тѣни начали свѣтлѣть и расплываться, открывая туземный городъ съ тѣсно скученными постройками, среди которыхъ виднѣлись зубчатая высокія стѣны Ходженской крѣпости.

Темныя фигуры часовыхъ въ сѣрыхъ шинеляхъ едва виднѣлись на желтовато-сѣромъ фонѣ крѣпостныхъ стѣнъ. Облокотившись на свои винтовки съ примкнутыми штыками, они внимательно всматривались въ окрестности, прислушиваясь къ пробужденію громаднаго мусульманскаго города.

Пурпуромъ вспыхнулъ востокъ, и розовые лучи понесли въ все стороны, разсѣвая сѣрую мглу,

и почти сейчас-же съ высокихъ минаретовъ мечетей послышались заунывные возгласы азановъ, призывающихъ правовѣрныхъ на утреннюю молитву.

«Ля иляги иль Алла-Магометъ Росуль Алла— Нѣтъ Бога кромѣ Бога и Магомета его пророка!» Надрывались глашатаи во всеуслышаніе, объявляя съ высоты главнѣйшую заповѣдь магометанской религіи и призывая мусульманъ помнить своего пророка и объединиться около его имени.

И будто въ отвѣтъ имъ грохнули палки барабанщика, ударившаго въ барабанъ въ русской крѣпости и сердитыми переборами забившаго повѣстку передъ утреннею зарею. Черезъ нѣсколько минутъ понеслись имъ вслѣдъ мелодичные звуки кавалерійской трубы, игравшей зорю. Старый казакъ - трубачъ, поднявъ трубу къ верху, отчетливо выводилъ утреннюю молитву, и, казалось, мѣдъ рѣзко и ясно выговаривала слова:

«О Боже нашъ, даждь силы днесь намъ вѣрно служить Тебѣ, Государю и Отечеству», напоминая съ ранняго утра всѣмъ военнымъ ихъ обязанности, лежащія на нихъ по присягѣ, данной каждымъ при поступленіи на службу.

За стѣнами внутри крѣпости въ темныхъ постройкахъ послышался шумъ, и изъ нихъ одинъ за другимъ стали выходить солдаты и казаки, направляясь къ колодцу, гдѣ всѣ тщательно умывались,

а затѣмъ приведя себя въ полный порядокъ, тутъ-же становились среди площадки на колѣни и долго молились на востокъ.

Длинный рядъ двухколесныхъ арбъ, нагруженныхъ какою-то кладью, покрытой кошмами и увязанной веревками, вытянулся посрединѣ площади. Тяжелыя ворота открылись и внутрь крѣпости впустили десятка два сартовъ-арбакешей въ разноцвѣтныхъ халатахъ съ упряжными лошадьми подъ высокими сѣдлами. Подойдя къ арбамъ, они стали быстро запрягать лошадей въ мѣстной работы сбрую. Тутъ-же невдалекѣ казаки сѣдлали своихъ коней.

Шла суета, перебранка и бѣготня отъ лошадей въ помѣщеніе и обратно.

Въ то время движеніе изъ одной крѣпости въ другую по недавно завоеванной странѣ въ одиночку было почти невозможно, такъ какъ подвергало каждого большому риску попасть въ плѣнъ или быть убитымъ разбойниками, киргизами и кипчаками, грабившими караваны по дорогамъ. Для устраненія же этого по временамъ посылались изъ одной крѣпости въ другую обозы съ казеннымъ грузомъ подъ командою особаго отряда, къ которому и присоединялись всѣ, кому нужно было ѣхать въ данномъ направленіи. Такой обозъ или транспортъ носилъ названіе «оказіи», а вооруженный конвой давалъ увѣренность въ безопасности путешествія подъ руководствомъ

особаго офицера, назначавшагося начальникомъ оказіи, съ возложеніемъ на него отвѣтственности за благополучную доставку казенной клади и слѣдующихъ подъ его охраною различныхъ служащихъ и ихъ семействъ.

Оказіи двигались медленно, со скоростью вереть тридцати въ сутки, что происходило, главнымъ образомъ, вслѣдствіе отсутствія разработанныхъ дорогъ и необходимости ѣхать прямо по степямъ, лишь придерживаясь направленія верблюжьихъ и конскихъ тропъ.

Между тѣмъ ранній завтракъ уже былъ готовъ, группами по нѣсколько человекъ присѣли казаки и солдаты около дымящихся котловъ съ кашицею, утоляя свой голодь. Слышалось лишь чавканье и стукъ ложекъ.

Присѣвъ на корточки и сосредоточенно смотря вокругъ, сидѣли недалекъ и арбакешы, наблюдая съ большимъ любопытствомъ за всѣмъ происходившимъ передъ ихъ глазами.

Закусивъ, казаки, одѣтые въ желтыя армячинныя рубахи и красныя кожаныя чамбары, вставали, крестились, а затѣмъ входили внутрь помѣщеній, откуда уже появлялись съ винтовками за спиною и пашками у пояса, направляясь къ стоявшимъ на приколахъ осѣдланнымъ конямъ.

На высокой террасѣ, около самага большаго по-

мѣщенія, сидѣло нѣсколько офицеровъ вокругъ са-
мовара. Центромъ группы былъ сѣдой маіоръ, ко-
мендантъ крѣпости. Въ желтой рубахѣ изъ армя-
чины, съ потемнѣвшими штабъ-офицерскими пого-
нами и сѣдыми длинными усами комендантъ имѣлъ
видъ типичнаго боевого туркестанца, видавшего виды.
Покуривая длинную трубку, онъ въ то же время
искоса поглядывалъ на суету внутри крѣпости.
Противъ него на коврѣ сидѣлъ молодцеватый офи-
церъ — штабсъ-капитанъ Святополкъ-Мирскій, торо-
пливо закусывавшій.

— Ваша задача, обратился къ нему комендантъ,
это доставить въ крѣпость Наманганъ всѣ эти при-
пасы, на 20 арбахъ около 400 пудовъ казеннаго
груза. Съ оказіей пойдутъ также нѣсколько чело-
вѣкъ солдатъ, пересылаемыхъ въ Наманганъ, да
еще докторъ, а конвой у васъ двѣнадцать ураль-
скихъ казаковъ.

— Помните, что все время надо держать ухо
востро и идти очень осторожно — вокругъ вездѣ бро-
дять шайки кокандцевъ, и легко можно ожидать на-
паденія.

— Да за арбаками хорошенько присматри-
вайте — народъ они ненадежный; чуть что, такъ
васъ головой выдадутъ.

Штабсъ-капитанъ внимательно прислушивался
къ словамъ маіора, спѣша окончить свое чаепитіе.

— Кончили, такъ идите собирать свою оказію, когда готово будетъ, я посмотрю — съ начальнической строгостью въ голосъ добавилъ старикъ, расправляя свои сѣдые усы...

Длинный рядъ арбъ вытянулся въ одну линію, а впереди и сзади выстроилось по одному отдѣленію казаковъ, общимъ числомъ около пятнадцати человѣкъ.

На арбы влѣзло нѣсколько человѣкъ стрѣлковъ и линейцевъ, и провожаемая внимательнымъ взглядомъ старика коменданта оказія вышла изъ крѣпости. Широкія крѣпостныя ворота открылись, а потомъ снова были закрыты.

Транспортъ потянулся по узкимъ улицамъ города, погромыхивая огромными колесами. Святополкъ-Мирскій и докторъ ѣхали впереди.

II.

Остановившись за городомъ на равнинѣ и еще разъ осмотрѣвъ конвой и весь транспортъ, строгона-строго приказавъ высланнымъ на двѣ версты впереди и назадъ казакамъ не зѣвать, Мирскій поѣхалъ шагомъ сбоку, бесѣдуя со своимъ спутникомъ.

— Такъ вы говорите, что идти опасно, спросилъ его докторъ, испуганно посматривая по сторонамъ своими близорукими глазами,

— Да, разумѣется, намъ надо быть готовыми ко всякимъ случайностямъ. Вѣдь вся Фергана теперь какъ кипящій котелъ. Все населеніе взбудоражено. Одни примкнули къ кокандскимъ войскамъ, а другіе сами по себѣ занимаются грабежомъ всякаго, кто только попадется подъ руку. Наши войска уже были въ Андижанѣ. Теперь снова готовятся къ наступленію, а кокандцы въ свою очередь вездѣ нападаютъ на русскія части, и въ особенности на ѣдущихъ съ малымъ конвоемъ, поэтому нельзя поручиться за то, чтобы они насъ не выслѣдили. Разумѣется отобьемся, но все-таки надо быть готовымъ ко всему.

— Но вѣдь я-же не воевать сюда въ Среднюю Азію пріѣхалъ, а лечить, подавать помощь раненымъ, возмутился врачъ, только что недавно окончившій курсъ и видимо совершенно неуяснявшій своего положенія.

— Вѣдь я даже стрѣлять не умѣю...

— Ну это нехорошо, надо выучиться, а то вѣдь киргизы не посматриваютъ на ваши докторскіе погоны—легко свою голову потерять можете, какъ покойный докторъ Петровъ... Выѣхали они изъ Ура-Тюбе въ Ходжентъ по этой самой же дорогѣ: прапорщикъ Васильевъ, 2-го линейнаго баталіона врачъ Петровъ и юнкера Колусовскій и Эйгольмъ да нѣсколько киргизовъ-джигитовъ съ ними. Петровъ

ѣхалъ изъ Ташкента и дочь, дѣвочку лѣтъ пяти, съ собою везъ... Ничего не подозрѣвая, добрались они спокойно до почтовой станціи въ Нау, но тутъ-то на нихъ и налетѣла внезапно шайка киргизъ-разбойниковъ...

Засѣли они за дуванъ и начали отстрѣливаться, но только какъ на грѣхъ патроновъ было у нихъ очень мало, и ихъ скоро все разстрѣляли.

Пока раздавались выстрѣлы, не подходили близко киргизы, держась на далекомъ разстояніи, а какъ прекратилась стрѣльба, они и кинулись всею толпою.

Докторъ, боясь за дѣвочку, сталъ отбиваться прикладомъ, прапорщикъ Васильевъ ему помогалъ. Это ихъ и погубило. Обозлились киргизы, получивъ нѣсколько ударовъ. Накинулись все вмѣстѣ, скрутили нашихъ арканами, а Петрову и Васильеву обоимъ съ удивительной жестокостью отрѣзали головы. Дѣвочка Петрова видѣла, какъ рѣзали ея отца, и это такъ потрясло малютку, что она заболѣла отъ этого ужаса. Юнкеровъ Колусовскаго и Эйгольма захватили въ плѣнъ и увезли въ Махромъ. А дѣвочку потомъ привезли мирные киргизы въ Ташкентъ. Государь приказалъ ее опредѣлить на казенный счетъ въ институтъ. Только несчастная малютка во всю свою жизнь врядъ-ли забудетъ страшную картину смерти отца, которую она видѣла въ дѣтствѣ...

Подавленный ужасными подробностями разсказа,

докторъ, тяжело вздохнувъ, сразу примолкъ и, лишь испуганно оглядываясь на своего собесѣдника, порою шепталъ какія-то слова, повидимому молитвы.

Оказія растянулась на большомъ пространствѣ. Поднимая густую пыль, стоявшую столбомъ въ воздухѣ, двигался впереди конвой, а за нимъ, скрипя своими огромными колесами, медленно шли арбы, казавшіяся издали какими-то огромными чудовищами. Среди людей слышались порою разговоры и смѣхъ. Осеннее солнце давало много свѣта, но уже не жгло своими лучами, а поэтому можно было легко идти по равнинѣ. Лишь иногда передняя арба, а за нею весь обозъ останавливались передъ широкою канавою или арыкомъ, и тогда, соскочивъ съ лошадей и возовъ, казаки, солдаты и арбакеши дружно работали лопатами, устраивая переѣздъ. На ночлегахъ, разставивъ арбы широкимъ четырехугольникомъ для удобной защиты отъ нападенія, люди устраивались за ними, разводя костры и приготовляя около нихъ свой скромный ужинъ.

Казаки спали по смѣнамъ, выставляя усиленное число часовыхъ на ночь.

Вой шакаловъ и гіенъ, подходившихъ къ биваку, наводилъ тоску. Темнота осеннихъ ночей казалась непроглядною, и тяжелое настроеніе постоянныхъ ожиданій нападенія дѣлало сонъ у всѣхъ особенно тревожнымъ.

Всматриваясь въ темноту ночи, часовые вздрагивали при малѣйшемъ шорохѣ, казавшемся имъ приближеніемъ невидимаго врага.

Мирскій по нѣскольку разъ въ теченіе ночи вскакивалъ, обходилъ всѣхъ часовыхъ и, только убѣдившись въ ихъ бдительности, ложился снова и забывался на короткое время. Несмотря на сильную усталость, нервное настроеніе мѣшало сну, а сознание огромной отвѣтственности за жизнь людей и цѣлость казеннаго имущества не давало ни минуты покоя.

Закутавшись въ шинели около арба, устремились казаки. Старикъ урядникъ, облокотившись спиною о колесо, переговаривался съ лежавшими на землѣ линейцами. Разговоръ вертѣлся на слухахъ о возстаніи въ Ферганѣ и низложеніи Кокандскаго хана.

— Почему - же, Даниловичъ, бунтъ-то у нихъ произошелъ? — спрашивалъ пожилой стрѣлокъ съ ефрейторскою нашивкою, внимательно всматриваясь въ своего собесѣдника.

— А былъ у нихъ правильный ханъ, законный прирожденный, только больно онъ руку русскихъ держалъ и даже отъ нашего царя за это звѣзду съ лентою получилъ и не по нраву пришелся онъ ихъ мулламъ магометанскимъ. Подговорили они одного человѣка, Пулатъ-Ханомъ его зовутъ, онъ и собралъ къ себѣ всякій народъ разбойничій изъ киргизовъ.

Собралось больше 20 тысячъ, и пошли они на своего законнаго хана. А тотъ видитъ, что силы у него нѣтъ. Сейчасъ и подался къ русскимъ въ Ташкентъ, защиты у нашихъ искать.

И пошла у кокандцевъ промежь собою война; другой человѣкъ, Авгобачи по прозванію, тоже людей собралъ, и пошли они вмѣстѣ на русскихъ.

Вездѣ, кто только на дорогѣ попался, всѣмъ нашимъ конецъ пришелъ; счастливъ еще, кто въ плѣнъ попалъ, а то, прямо захвативши, голову долой. Потому у нихъ положеніе такое было объявлено, кто русскую голову принесетъ, тотъ золотую тиллу — 4 рубля по нашему, и хорошій халатъ получаетъ, да еще, кромѣ того, такого храбреца цѣлыхъ три дня угощаютъ даромъ. Нашъ генералъ-губернаторъ какъ узналъ, что у нихъ въ ханствѣ дѣлается, сейчасъ и послалъ русскія войска на усмиреніе. Но только хотъ и взяли ихъ города Махромъ да Андижанъ, а все-таки спокойствія еще нѣтъ. Ушли тѣ ханы въ горы, да въ другіе города и сноза противъ русскихъ войска собираютъ...

— Одначе пора и смѣну поднимать. рѣзко оборвалъ старикъ разговоръ и, поднявшись, направился къ лежавшей невдалекѣ группѣ казаковъ.

III.

Большая часть пути осталась позади и Мирскій немного повеселѣлъ, вспоминая, что остается всего лишь одинъ переходъ до укрѣпленія Телау, гдѣ стоитъ русскій гарнизонъ.

Мѣстность между тѣмъ измѣнилась и вмѣсто равнины начались гряды холмовъ, а за ними вдали вырисовывались темныя горы.

Глубокіе арыки (каналы) съ журчащей въ нихъ водою значительно замедляли движеніе и оказія подвигалась съ самою незначительною скоростью, постоянно задерживаясь при переправахъ черезъ нихъ.

Обработанныя поля, растилавшіяся по сторонамъ, были вытоптаны, имѣя видъ запустѣнія. Видно было, что созрѣвшій урожай не былъ собранъ бѣжавшими жителями. Густая листва на деревьяхъ, куртинами поднимавшаяся около кишлаковъ, пожелтѣла и отливала золотисто-краснымъ цвѣтомъ. Вѣтеръ, обрывая листья, несъ ихъ дальше, напоминая о наступившей осени.

Впереди уже виднѣлся кишлакъ Пундокъ, выдѣляясь своею растительностью. Вокругъ была полная тишина и нигдѣ не было видно ни одного человѣка; лишь голодныя собаки, бродившія около оставленнаго людьми жилья, порою выскочивъ изъ зарослей, бросались на проходившій обозъ, но за-

тѣмъ, увидѣвъ длинную вереницу арбъ, пугливо поджавъ хвосты, старались скорѣе снова спрятаться въ чащу.

Уже открылись желтовато-сѣрыя постройки и дувалы кишлака, какъ два казака передового разѣзда остановились, внимательно всматриваясь впередъ, а затѣмъ черезъ минуту повернувъ коней широкимъ наметомъ, поскакали назадъ къ оказіи.

— Непрiятель, ваше благородіе! — взволнованнымъ голосомъ доложилъ старшій Мирскому.

— Видимо-невидимо, валомъ валить! — подтвердилъ другой, останавливая лошадь и почти натыкаясь на передняго.

— Гдѣ? Въ какой сторонѣ?.. — Только что успѣлъ задать вопросъ Мирскій, какъ изъ-за строеной, развернувшись широкимъ полукругомъ, показалась огромная масса конныхъ киргизовъ. Обозъ быстро подтянулся, сбившись въ тѣсную кучу. Казаки спѣшились, стали за арбы, и снявъ винтовки, приготовились къ бою.

Съ дикимъ пронзительнымъ крикомъ налетѣли киргизы, но встрѣченные выстрѣлами, быстро повернули коней и, отскакавъ на значительное разстояніе, скрылись за гребнемъ ближайшихъ холмовъ, откуда почти сейчасъ-же затрещали громкіе выстрѣлы ихъ длинныхъ фитильныхъ ружей, и пули какъ горохъ посыпались на обозъ.

Видя, что мѣсто для обороны крайне неудобно, Мирскій, выстроивъ свой обозъ въ тѣсную колонну по нѣскольку арбъ въ рядъ, приказалъ двигаться къ Телаусскимъ горамъ. Отстрѣливаясь отъ насѣдавшихъ киргизскихъ наѣзтниковъ, подсакивавшихъ совѣмъ близко, колонна едва ползла.

— Пожалуй, плохо намъ будетъ, ваше благородіе, — осторожно доложилъ старикъ-урядникъ, подходя къ своему начальнику.

— До горъ можетъ и дойдемъ, а только патроновъ у насъ мало. Кабы дать знать коменданту въ укрѣпленіе Телау, авось выручку-бы прислали.

Мирскій на минуту задумался, но тотчасъ-же признавъ основательность совѣта, спросилъ:

— А когда-же послать? Врядъ-ли теперь кто изъ нашихъ прорвется.

— Джигитъ Шарипъ — самъ просить. Пусть только тюра прикажетъ, я, говоритъ, пойду, только чтобы мнѣ потомъ дали большую медаль и ленту къ ней красную.

— Зови его, — отдалъ приказаніе штабсъ-капитанъ, оцѣнивая по достоинству предложеніе.

Черезъ минуту небольшого роста, съ умными и бойкими глазами, киргизъ стоялъ передъ Мирскимъ.

— Берешься пройти въ Телау? — коротко спросилъ онъ, пытливо всматриваясь въ джигита.

— Дойду — тюра. Только мнѣ медаль золотой,

большой и лента красный за это. Потомъ пиши генералу, что Шарипъ хорошо служить...

Быстро набросавъ записку коменданту съ просьбою скорѣе оказать помощь, высылкою подкрѣпленія, Мирскій вручилъ ее Шарипу, подтвердивъ еще разъ свое обѣщаніе медали.

Киргизъ сразу отсталъ въ хвостъ колонны, а затѣмъ, пользуясь тянувшимся за обозомъ столбомъ пыли, ведя коня въ поводу, юркнулъ въ заросли джиды и скрылся въ нихъ безслѣдно.

Арбы, не останавливая своего медленнаго хода, продвинулись еще версты на три впередъ, и, дойдя до начала предгорій, оказія остановилась, прикрывшись съ двухъ сторонъ высокимъ скалистымъ обрывомъ, а съ остальныхъ, рядами распряженныхъ, арбъ, за которыми спрятались люди.

Часть киргизовъ - арбакешей, пользуясь сумерками, незамѣтно скрылась, бросивъ русскихъ и очевидно перейдя на сторону наступавшихъ враговъ.

IV.

Мглистая туманная ночь закрыла своимъ покровомъ окрестности, а вмѣстѣ съ тѣмъ скрыла обороняющихся и наступавшихъ...

Казачи были на чеку, — всматриваясь въ темноту и боясь внезапнаго нападенія, всѣ были насторожѣ.

Порою кому-либо изъ нихъ мерещилась ползущая фигура киргиза, и тогда сейчас-же, на мгновение освѣтивъ небольшою огненной вспышкою лицо стрѣлявшаго, гремѣлъ выстрѣлъ, въ отвѣтъ на который откуда-то издалека слышался другой, и пуля съ жалобнымъ стономъ проносилась надъ обозомъ.

Въ сторонѣ наступавшихъ слышались громкіе разговоры и шумъ движенія, но наконецъ и тамъ все стихло, и въ этой тишинѣ чувствовалось что-то зловѣщее.

Среди ночи безъ шума подползли киргизы къ русскому отряду и со страшнымъ крикомъ вскочили въ промежутокъ между арбъ и моментально изрубили двухъ казаковъ, но отбитые съ большимъ урономъ послѣ горячей рукопашной схватки также быстро исчезли въ темнотѣ ночи.

Это напряженное ожиданіе страшно утомило весь составъ маленькаго русскаго отряда. Къ тому же патроновъ оставалось мало и рассчитывать долго отсиживаться на занятой позиціи было нельзя. Обсудивъ свое положеніе и видя, что единственнымъ выходомъ можетъ быть помощь русскаго гарнизона изъ Телау, Мирскій еще разъ выслалъ двухъ киргизъ, взявшихся доставить записку въ Телау.

Съ разсвѣтомъ среди нападавшихъ началось движеніе, и конные и пѣшіе со всѣхъ сторонъ съ страшными криками и визгомъ бросились на рус-

скій отрядъ. Сейчасъ-же остальные арбакешы перебѣжали къ нимъ навстрѣчу, оставивъ русскихъ на произволь судьбы.

Поодинокѣ враздробъ слышались выстрѣлы казачьихъ винтовокъ, и пули завывая несли смерть, останавливая на минуту натискъ наступавшихъ. Но послѣ какъ-то особенно громко прогремѣвшаго выстрѣла — наступила жуткая тишина... Всѣ патроны были израсходованы. Снявъ фуражки, молились казаки послѣдній разъ, а затѣмъ вынимали шашки, рѣшивъ возможно дороже продать свою жизнь...

Какъ темная туча надвинулись густыя толпы враговъ, подойдя вплотную къ арбамъ и черезъ минуту звонъ оружія, хриплые крики, брань смѣшались въ какой-то хаосъ звуковъ.

По нѣскольку человекъ накидываясь на одного казака и опутывая ихъ арканами, взяли верхъ киргизы.

Израненные, истекающіе кровью были взяты Мирскій и нѣскольکو человекъ казаковъ и солдатъ въ плѣнъ, остальные же всѣ полегли въ бою, защищаясь до послѣдней капли крови.

Торжествуя, отрѣзали киргизы головы у всѣхъ тяжело-раненыхъ и убитыхъ и, воткнувъ ихъ на пики, съ радостными криками направились къ своему предводителю.

Весь обозъ былъ тотчасъ-же разграбленъ.

V.

Пройдя много верстъ на арканѣ, едва поспѣвая за ходомъ лошадей и падая отъ изнеможенія дошли плѣнные до Кокандскаго города Маргелана и, подвергнувшись цѣлому ряду побоевъ и издѣвательствъ, были брошены въ глубокую яму—зинданъ, служившую тюрьмою.

Одинъ за другимъ потянулись ужасные дни для плѣнныхъ. Получая одну сухую лепешку и кружку воды въ день, мучились они въ ямѣ, не видя свѣта и подвергаясь нападеніямъ всякихъ насѣкомыхъ. — Милліоны блохъ, мокрицы, клопы и клещи покрывали всѣ стѣны помѣщенія, кидаясь на людей и стараясь насытиться человѣческою кровью. Все тѣло мучительно ныло отъ тысячей укусовъ, обжигавшихъ какъ огонь. Разчесывая до крови раны и теряя человѣческій видъ, томились несчастные, не имѣя уже никакой надежды на помощь.

Но несмотря на страданія бодрость духа не оставляла плѣнныхъ, которыхъ было болѣе двухъ десятковъ человѣкъ, взятыхъ въ различныхъ дѣлахъ.

Въ этой кучѣ измученныхъ тѣлъ, одѣтыхъ въ какіе-то обрывки платья, уже нельзя было различить офицеровъ. Штабсъ-капитанъ Мирскій и сотникъ Кузьминъ лежали рядомъ съ унтеръ-офице-

ромъ 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго баталіона
Омою Даниловымъ, все время за ними ухаживав-
шимъ и поддерживавшимъ бодрость духа всѣхъ
страдальцевъ.

— Надѣйся, Ваше Благородіе, на Бога, неиз-
мѣнно повторялъ онъ, любовно смотря на товарищей
своими добрыми глазами.

— Не унывай, земляки, — обращался онъ сей-
часъ-же въ другую сторону, откуда слышался глу-
хой, подавленный стонъ.

— Помни, какъ святые отцы страдали за вѣру
православную отъ всякихъ нехристей. Мучили ихъ,
рѣзали, тупыми пилами пилили, въ огнѣ жгли, въ
водѣ топили и дикимъ звѣрямъ на разстерзаніе
давали.

— А Спаситель міра—сколь долго мучился на
крестѣ...

И это доброе слово поддерживало всѣхъ...

Плѣнные становились на колѣни и, глядя вверхъ,
гдѣ виднѣлись сіяющія звѣзды, чуть слышными
голосами пѣли хоромъ молитвы, вызывая этимъ ру-
гань со стороны караульныхъ.

Дни плыли за днями незамѣтно до того, что уже
никто не могъ сказать, сколько времени продол-
жается ихъ заключеніе.

Одинъ изъ самыхъ слабыхъ, не выдержавъ этой
жизни и совершенно обезсилѣвъ, скончался въ одну

изъ душныхъ ночей, и черезъ нѣсколько часовъ трупный запахъ наполнилъ всю яму, мѣшая дышать.

Ничего не знали плѣнные, что дѣлалось въ это время на свѣтѣ — ручьями лилась кровь, орошая землю, но уже давно судьба повернулась спиною къ кокандцамъ, и они все время несли страшныя пораженія. Русскіе отряды тѣснили киргизскія скопища, беря одну за другою кокандскія крѣпости.

Упали духомъ кара-киргизы и стали разбѣгаться, а ихъ самозванные ханы сдавались побѣдителямъ или же уходили въ горы, ища спасенія отъ страшныхъ войскъ урусовъ, для которыхъ не существовало никакихъ преградъ.

Уже русскій флагъ гордо развѣвался на высокихъ башняхъ кокандскихъ крѣпостей, взятыхъ штурмомъ славными туркестанскими стрѣлками и линейцами. Полегло много храбрыхъ у подножья ихъ стѣнъ, но остальные, не смущаясь потерями, также бодро шли впередъ, а защитники, бросая все свое имущество на произволъ судьбы, спѣшно уходили въ горы. Зарево пожаровъ стояло надъ городами, не желавшими покориться русскимъ. Лишь въ Маргеланѣ, главнымъ послѣ Коканда городѣ, Кокандскаго ханства снова собрались огромныя скопища кара-киргизовъ. Муллы и ишаны еще надѣялись отстоять свою страну, изыскивая все способы, чтобы поддержать броженіе среди населенія и снова вы-

звать подъемъ духа для послѣдняго рѣшительнаго наступленія на русскихъ, цѣлые дни въ мечетяхъ молились люди, а на базарахъ передъ толпами выступали проповѣдники, обѣщая прощеніе грѣховъ и райское блаженство всѣмъ, кто возьмется за оружіе и пойдетъ на невѣрныхъ—урусовъ.

21-го ноября было особенно большое собраніе на маргеланскомъ базарѣ. Дервиши-монахи, расхаживая цѣлыми толпами, распѣвали религіозныя пѣсни, и вся огромная площадь противъ ханской крѣпости покрыта была массами народа, прислушивавшагося ко всѣмъ этимъ фанатическимъ выкрикамъ. Но въ то-же время при воспоминаніи о недавнихъ бояхъ и страшныхъ полкахъ урусовъ въ бѣлыхъ рубахахъ—у самыхъ храбрыхъ появлялся какой-то упадокъ духа.

— Ничего не слушаетъ народъ, уныло докладывалъ одинъ изъ муллъ, вернувшись въ крѣпость Урду, гдѣ собрались главные предводители кипчаковъ.

— Надо, чтобы люди увидѣли сами слабость и ничтожество русскихъ, которымъ помогаетъ нечистый. Аллахъ благословить наше оружіе и посрамить шайтана и всѣхъ, кому онъ помогаетъ, отвѣтилъ старикъ-ишанъ, со злобою кидая взгляды на окружающихъ.

— Живы-ли плѣнные, взятые нашими храбрцами въ прежнихъ бояхъ? — обратился онъ къ коменданту крѣпости.

— Есть и много. Очень много ихъ,—торопливо отвѣтилъ тотъ, съ большимъ почтеніемъ относясь къ ишану.

— Тотчасъ-же объявить народу, что въ полдень ему покажутъ русскихъ плѣнныхъ, которые отрекутся отъ своего Бога и сдѣлаются правовѣрными.

— Народъ самъ увидитъ ихъ безсиліе и ничтожество. А мы сумѣемъ заставить ихъ признать, что пророкъ Иса (Иисусъ), которому они поклоняются, ничтожество передъ Магометомъ, пророкомъ изъ всѣхъ пророковъ.

— Готовьтесь, собаки, черезъ часъ Аллахъ окажетъ вамъ милость, превративъ васъ въ добрыхъ мусульманъ, — слышался сверху въ отверстіи ямы чей-то громкій голосъ, заставившій всѣхъ плѣнныхъ невольно вздрогнуть.

Черезъ нѣсколько минутъ, при помощи спустившихся на дно ямы киргизъ, плѣнныхъ стали привязывать къ длинной веревкѣ, а затѣмъ по одному поднимать наверхъ.

Обросшіе волосами, изголодавшіеся люди, послѣ долгаго пребыванія въ темнотѣ и безъ воздуха, падали на землю, ослѣпленные яркими лучами солнца.

Десятка два плѣнныхъ, сбитые въ кучу, сидѣли и лежали, окруженные киргизами, вытаскивавшими послѣднихъ изъ тюрьмы.

Даниловъ, попавъ однимъ изъ первыхъ на по-

верхность земли, внимательно осматривалъ своими печальными глазами cadaго изъ своихъ товарищей.

— Последній часъ нашъ приходитъ, братцы, наконецъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ нимъ.

— Должно быть на смерть насъ поведутъ. — Пострадаемъ за крестъ Христовъ и вѣру православную...

Перекрестившись, всѣ какъ будто ободрились. Вѣтерокъ пріятно освѣжилъ воспаленную кожу тѣлъ, а насѣкомыя, испуганныя солнечнымъ свѣтомъ, соскакивали на землю.

— Айда. — Крикнулъ одинъ изъ киргизовъ — хлопнувъ нагайкою по ближайшей голой спинѣ, на которой выступилъ кровавой рубецъ.

Подгоняемые нагайками и палками, какъ стадо, двинулись плѣнные въ ворота крѣпости и черезъ минуту появились на базарной площади.

Тысячная толпа киргизовъ громкими криками радости встрѣтила ихъ появленіе.

— Смерть собакамъ-урусамъ. Зарѣзать ихъ сейчасъ-же,—послышались голоса ближайшихъ.

— Нѣтъ, правовѣрные, надо подождать, нельзя такъ сразу,—когда немного утихли крики, заговорилъ старый ишанъ.

— Можетъ быть, они захотятъ сами воздать хвалу Аллаху и пророку его Магомету, сдѣлавшись мусульманами. Пусть спросятъ ихъ объ этомъ толмачъ.

Немилосердно коверкая русскія слова, тотчасъ-же началъ свою рѣчь переводчикъ, обѣщая плѣннымъ хорошую, богатую жизнь, почетъ, красивыхъ женъ, предлагая лишь за это отказаться отъ христіанства и принять магометанство.

Внимательно вслушиваясь въ каждое слово и сердито сдвинувъ густыя брови, первый-же отозвался Оома Даниловъ.

— Ишь что выдумали нехристи... Братцы милые, неужели-же посраимъ вѣру православную? Плюнемъ въ глаза этому оболъстителю...

— Вспомните, какъ святые мученики за вѣру Христову страдали!

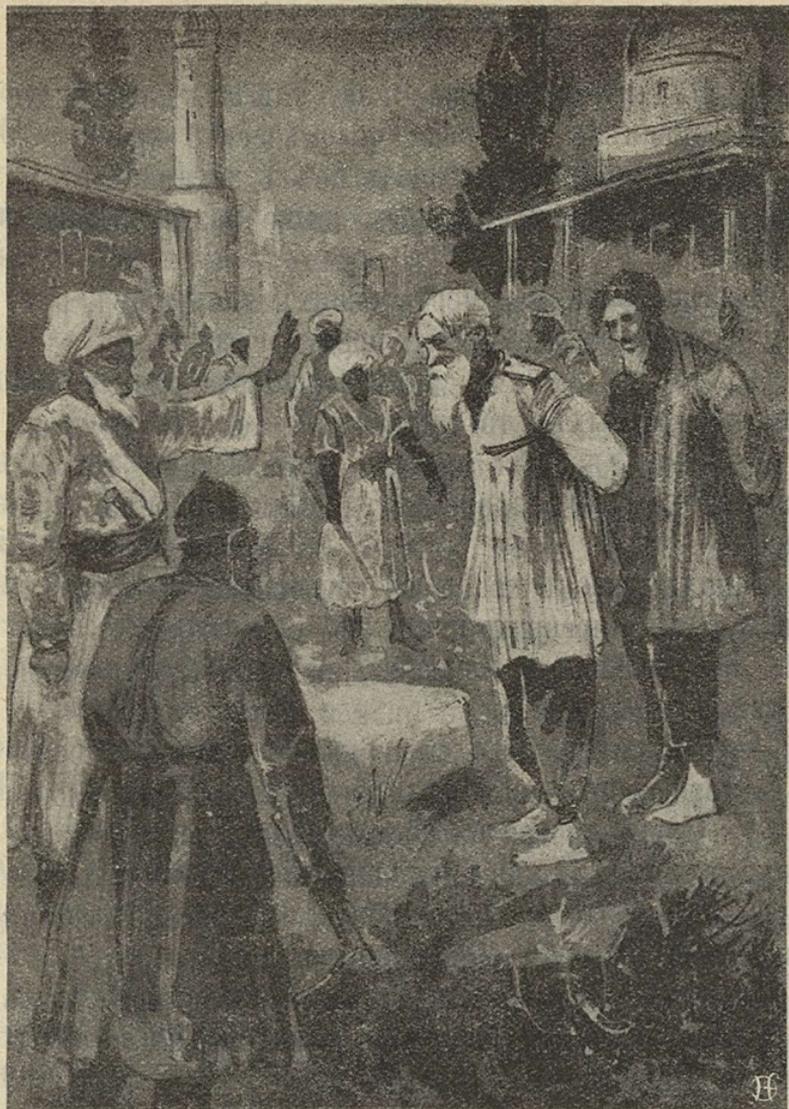
Какъ будто озаренные какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ, вспыхнули глаза плѣнниковъ.

— Пострадаемъ за крестъ Христовъ. За вѣру. За Царя, — загудѣли голоса...

— Скажи нехристямъ — не желаемъ, кричали ближайшіе.

Нѣсколько палачей, снявъ халаты и засучивъ рукава, стояли тутъ-же рядомъ.

Передавъ ишану отказъ плѣнниковъ, толмачъ отошелъ въ сторону, и сейчасъ-же по знаку ишана палачи, схвативъ ближайшихъ плѣнниковъ, потащили ихъ на высокую земляную площадку, гдѣ, поваливъ на землю, тотчасъ-же отрѣзали имъ головы, бросивъ ихъ въ середину одобрительно зашумѣвшей

Внимательно вслушиваясь въ каждое слово и сердито сдвинувъ густыя брови, первый-же отозвался Оома Даниловъ.

толпы. Надѣвъ головы на пики, киргизы какъ будто разомъ оцѣнѣли отъ вида человѣческой крови.

— Кто не хочетъ познать свѣтъ истинной вѣры, сейчасъ-же будетъ казненъ, — еще разъ объявилъ толмачъ.

Но, несмотря на смерть своихъ товарищей, русскіе были глухи къ этому предупрежденію.

Одного за другимъ какъ барановъ рѣзали палачи несчастныхъ, то пуская въ ходъ свои ножи, то, вынимая кривыя шашки, рубили ими головы, вызывая каждымъ ловкимъ ударомъ одобреніе зрителей.

Запахъ человѣческой крови носился въ воздухѣ, и вся толпа, превратившись въ кровожадныхъ звѣрей, все больше и больше оцѣнялась страшною картиною.

— Помни святыхъ мучениковъ. Держись, братцы, — порою, прерывая молитву, кричалъ Даниловъ.

— Прямо смотри на востокъ, какъ помирать будешь, и помни, — каждому царствіе небесное уготовано, — ободрялъ онъ товарищей, привлекая своими возгласами къ себѣ общее вниманіе.

Толмачъ, видимо понявъ его слова, подбѣжалъ къ ишану и что-то быстро сталъ говорить, указывая на Данилова.

— Много кричитъ тотъ человѣкъ, отъ того и остальные не соглашаются, — перевелъ онъ слова

одобрения. — Надо его раньше кончать, тогда всё будутъ какъ овечки.

Поговоривъ съ муллами, ишанъ подалъ знакъ, и нѣсколько киргизовъ бросилось въ толпу плѣнныхъ, вытащивъ Данилова.

— Прощайте, братцы, не поминайте лихомъ, — спокойно сказалъ Ома, въ то время, какъ съ него срывали остатки его одежды.

Поваливъ неговорчиваго уруса на землю и вынувъ небольшой ножъ, киргизъ съ рябымъ и звѣрскимъ лицомъ сдѣлалъ два параллельныхъ разрѣза кожи, и подрѣзавъ ее сверху, сталъ, помогая грязными пальцами, сдирать широкой бѣлый ремень изъ спины страдальца. Кровь залила все тѣло, побѣжавъ струйками по бокамъ.

Второй и третій ремень были вырѣзаны съ особою медленностью, но лишь заскрипѣлъ зубами Даниловъ, ни звукомъ не показавъ своей страшной боли.

— Плюнь на свою собачью вѣру, скажи хвалу Аллаху и Магомету, его пророку, — снова заговорилъ по приказанію ишана толмачъ, когда всего покрытаго кровью Данилова поставили на ноги.

— Плюю я на вѣру вашу, хрипло крикнулъ страдалецъ и осѣнилъ себя широкимъ крестнымъ знаменіемъ.

Страшно завывала толпа, ругаясь и требуя новыхъ мукъ для упрянца.

Положивъ его руку на обрубокъ дерева, одинъ за другимъ отрубилъ палачъ всѣ пальцы Данилову. Фонтанами забрызгала кровь изъ перерубленныхъ артерій.

Шепча слова молитвы и лишь вздрагивая при каждомъ ударѣ, какъ кряжистый могучій дубъ стоялъ онъ среди своихъ мучителей, придумывавшихъ для него новыя мученія.

Привязавъ Данилова за руки и ноги къ вбитымъ для привязыванія лошадей кольямъ, палачи принесли пучки камыша и зажгли подъ нимъ огонь.

Густой дымъ охватилъ тѣло, и спустя нѣсколько минутъ характерный запахъ горѣлаго мяса разнесся по площади.

— Желаетъ ли, чтобы прекратились мученія твои? Скажи лишь, что хочешь сдѣлаться мусульманиномъ, — задалъ снова вопросъ толмачъ.

Страшною непримиримою ненавистью сверкнули глаза мученика, снятаго съ костра и поставленнаго противъ ишана. Собравъ всѣ силы, онъ плюнулъ въ лицо старика и едва слышнымъ голосомъ, но твердо произнесъ:

— Вѣрую въ Іисуса Христа, Сына Божія и чаю воскресенія мертвыхъ.

Видя оскорбленіе, нанесенное всѣми уважаемому старому ишану, стоявшіе рядомъ съ нимъ киргизы, выхвативъ шашки, съ ожесточеніемъ стали рубить

Данилова, и черезъ минуту весь изрубленный трупъ смѣлаго уруса уже лежалъ на землѣ, а отрубленная его голова, воткнутая на пикю, страшно смотрѣла на всѣхъ своими мертвыми остеклянѣвшими глазами.

Долго, почти до самаго вечера продолжалась рѣзня плѣнныхъ, мужественно встрѣчавшихъ смерть и уходившихъ въ иной міръ, шепча молитву Спасителю міра.

Мирскій, Кузьминъ и всѣ казаки окончили свою службу и жизнь вмѣстѣ со всѣми.

VI.

Послѣ взятія русскими войсками Маргелана нѣсколько недѣль спустя дошли до товарищей слухи о мукахъ, которымъ подвергли плѣнныхъ, и о страшныхъ пыткахъ Оомы Данилова.

Исключительное его мужество и вѣрность долгу до смерти не остались безъ должной награды. Государь Императоръ пожаловалъ его вдовѣ пенсію въ 120 рублей въ годъ, приказавъ опредѣлить всѣхъ дѣтей на казенный счетъ въ учебныя заведенія, а Самарское земство изъ уроженцевъ деревни Кирсановки, Бугурусланскаго уѣзда, откуда происходилъ покойный, собрало его вдовѣ 1,320 рублей. Великъ былъ подвигъ Оомы Данилова, сумѣвшаго

показать, что никакія муки, ни даже смерть не могут заставить измѣнить своей вѣрѣ и долгу.

Золотыми буквами записаль онъ свое имя на страницахъ исторіи русской арміи, какъ одинъ изъ героевъ, память о которомъ не умретъ во 2-мъ Туркестанскомъ стрѣлковомъ баталіонѣ и будетъ всегда служить рѣдкимъ образцомъ выполненія своего долга и присяги.

Вѣчная память, принявшему вѣнецъ мученической, унтеръ-офицеру Ѳомѣ Данилову и его товарищамъ, погибшимъ въ Маргеланѣ 21-го ноября 1875 года. Ихъ чистыя души были приняты Святой Дѣвой, какъ оставившихъ землю въ страшныхъ мукахъ въ день Введенія Ея въ храмъ...

Вѣчная память погибшимъ, имена которыхъ извѣстны одному лишь Всевѣдущему Творцу міра.

